

К ПРОБЛЕМЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПЕРЕВОДЕ

Уникальность и неповторимость любой культуры определяется тем, что она впитывает в себя весь спектр природных, социально-экономических, этнографических и языковых факторов, присущих нации, поэтому язык является носителем национально-культурной информации. В центре интересов лингвокультурологии – исследование и описание взаимодействия языка и культуры в диапазоне современного культурно-национального самопознания. Лингвокультурология ориентирована, как пишет В.Н.Телия, «на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке. А это значит, что лингвокультурология – достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» [1,222].

Теоретически обоснованы перспективы изучения текста с позиции лингвокультурологии, что объясняется двойственной природой текста. В тексте скрещиваются языковые и культурологи-

ческие векторы, поэтому текст является неисчерпаемым источником для лингвокультурологических исследований. Текст выстраивает в определенную систему культурологические маркеры, характеризующие задействованные в нем языковые единицы. Это способствует созданию культурологического пространства текста. Оно актуализирует культуруносные смыслы языковых единиц. Анализ текста может способствовать выявлению культурно-национальной информации входящих в текст языковых единиц. Фразеологический корпус любого национального языка является своеобразным источником знаний о культуре народа. Передавая «поэтику сознания» [Гиббс,1995], фразеологизмы наиболее ярко отражают культуруносность единиц лексического фонда, что отмечается большим количеством исследований по лингвокультурологической тематике [Верещагин, Костомаров,1982; Добровольский, 1997,1998; Маслова,2001; Телия, 1996; Черданцева, 1996]. Таким способом ФЕ, отражая

в своей семантике длительный путь развития культуры, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. «Основная задача лингвокультурологии применительно к материалу фразеологии – исследование и описание механизмов, на основе которых осуществляется взаимодействие фразеологизмов как единиц естественного языка с культурной семантикой «языка» культуры. Результатом действия этих механизмов и является презентация фразеологизмами культурной семантики и тем самым – выполнение ими функции вербализованных знаков «языка» культуры [2,23].

Лингвистическим источником культурологической маркированности идиом выступает образная основа, соотнесенность их со специфическим фрагментом опыта, связанным с данным этносом, наличие слова-реалии, соотнесенной с образом жизни данной лингвокультурной общности и заложенный в основу ФЕ культурный концепт. В рамках анализа фразеологических единств особого внимания заслуживают паремии в силу особенностей их оформления в качестве целостных единиц с точки зрения структуры и смысла. Исследователи подчеркивают, что «пословичный фонд представляет собой совокупность национально-специфических информем житейского опыта народа, метафорически оформленные образцы национальной мирооценки» [3,37].

Паремии являются манифестацией той или иной сферы или условий человеческой жизни, так как фиксируют осмысление культуры быта, отношений, производственной деятельности. Культурно специфичным оказывается конкретный опыт, зафиксированный в паремиях и оказывающий воздействие на поведение представителей лингвокультурной общности. Паремии являются зафиксированным в вербальной форме результатом рассуждения с позиции здравого смысла, продуктом осмысления культурно конституированного подхода к решению проблемных ситуаций. Противоречивость паремий указывает на необходимость проявления большой осторожности при заключении глобальных выводов относительно менталитета того или иного народа. Культурологически маркированным выступает не только смысловое наполнение паремий, но культурологический компонент может быть локализован в плоскости языковой реализации паремии.

Являясь сгустком опыта этносоциума, паремии культурологически мотивированы, но зафик-

сированный в них опыт может соотноситься с опытом другого народа данного культурного ареала. Этим объясняется наличие эквивалентных паремий при сравнении нескольких языков. Эквивалентность обусловлена тем, что источником паремий являются общепризнанные тексты: Библия, Коран, художественные тексты, классические образцы. Наличие эквивалентов приводит к необходимости дифференциации культурологической маркированности и лакуарности. Лакуарность ограничивает культурологическую маркированность строго национальными рамками и предполагает сопоставление с другим лингвокультурным кодом. Другой трудностью выступает разграничение образной составляющей и культурного концепта, что неизбежно приводит к затруднениям в определении первопричины и следствия. ФЕ являются объектом пристального внимания лингвокультурологов по ряду причин, так как они как «неделимые блоки» содержат «следы» национальной культуры» [4,82], а также дают возможность определить этноспецифические культурные стереотипы.

Интерпретируя ФЕ на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы тем самым раскрываем их культурно-национальный смысл и характер, который является содержанием национально-культурной коннотации [1,223].

Изучение внутренних форм идиом любого языка раскрывает возможности погружения в духовный мир народа и в народную мифологию. Особенно это проявляется в художественном тексте.

Природа значения фразеологических единиц тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа.

«Принципиально важным для понимания национальной специфики народной фразеологии и раскрытия ее неразрывной связи с национальной культурой является восстановление экстралингвистической ситуации, обусловившей возникновение фразеологического образа, выявление его исходной модели. В лингвистическом плане – это реконструкция исходного свободного сочетания с прямым значением компонентов» [Мокиенко, 1989].

Перевод фразеологических единиц, паремий представляет особую переводческую проблему. Тезису о культурологическом аспекте перевода придается большое значение в современных ис-

следованиях. Одним из ключевых понятий переводческого пространства исследователи определяют культурологический контекст [Фесенко[5]; Сорокин[6]. Так, обращаясь к проблеме универсального и культурно-специфического в переводе, известный ученый Ю.А. Сорокин справедливо отмечает, что двуязычный перевод является в то же время «двукультурным», интерпретативным переводом» [6,4].

Паремии представляют собой специфические языковые знаки и словесные модели одних и тех же типовых жизненных и логических ситуаций. Разница между изречениями разных народов, их этническая, географическая, историческая специфика заключается в их образном строе. Использование готовых соответствий в переводе признается в работах Ю.Катцера, А.Кунина, А.В. Федорова, Л.К.Латышева, В.С.Виноградова, В.Н.Комиссарова и др. Так как паремии являются моделями одних и тех же типовых жизненных ситуаций, они могут иметь соответствия в любом иноязычном фонде. В процессе перевода происходит взаимодействие лингвистических и экстралингвистических факторов, которые обуславливают вариативность языковых средств. В связи с различиями в коммуникативных компетенциях адресата и адресанта из-за принадлежности их к различным культурам, возникает расхождение в определенной степени фоновых знаний, т.е. пресуппозиций, а следовательно, в количестве и качестве извлекаемых импликатур.

Под эквивалентным переводом понимается перевод, при котором имплицативность ИТ и ПТ является совместимой. Имплицативность двух соответствий – пословицы на ИЯ и ее транслята на ПЯ – не должна различаться по характеру ассоциаций. Существуют разные способы перевода паремий. Моноэквивалентный перевод имеет место, когда в пословицах и поговорках не упоминается о различных реалиях или истории народа. Такие пословицы и поговорки уже имеют установившиеся соответствия в разных языках. При использовании таких соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. Разные исследователи называют их по-разному: абсолютные моноэквиваленты [Ю.Катцер, А.Кунин], фразеологические эквиваленты [С.Влахов, С.Флорин, Я.И.Рецкер, В.Н.Комиссаров] или полные пословичные соответствия [В.С.Виноградов]. Кроме абсолютных моноэквивалентов в переводе используются относитель-

ные моноэквиваленты [Катцер, Кунин] или фразеологические аналоги [В.Н.Комиссаров, Я.И.Рецкер], совпадающие по смыслу, но различающиеся по содержанию, так как их образная основа не совпадает.

В переводе исторической трилогии И. Есенберлина переводчик использовал различные способы перевода паремий. Например, использование фразеологических эквивалентов и аналогов: «*Қарға қарғаның көзін шұқымас деген осы екен*» – *деді ол ішінен*[7,179] – «Он понял, что допустил оплошность и подумал, что «ворон ворону глаз не выклюет»[8,130]; «*көзінің қарашығындай сақтауымды тапсырған*»[7,130] – «Предчувствуя беду, великий мирза Улугбек за год до собственной смерти поручил мне беречь как зеницу ока свою любимую дочь Рабиа-султан-бегим и семилетнего побочного сына» [8,96].

Применение подобных способов трансляции паремий можно объяснить стремлением переводчика воссоздать фразеологическую окраску текста. Лексико-семантический состав межъязыковых фразеологических аналогов пословично-поговорочного типа может не совпадать. Происходит адаптация варианта перевода или адекватная замена пословицы ИЯ на пословицу ПЯ внешне неравноценную, но при этом эквивалентную в смысловом, референтном и функциональном отношении, что обеспечивает достаточную степень эквивалентности.

Одним из важных условий адекватного перевода является сохранение национального колорита исходного текста. Так как паремии являются фактом народного творчества, то для их перевода используется способ создания подобия иноязычной пословицы или поговорки на ПЯ. Переводчик «изобретает» пословицу, воспроизводит без модификаций или с некоторыми изменениями образное содержание пословицы, сохраняя общий смысл и характер как фразеологического целого. В таком соответствии обнаруживаются элементы дословного перевода: воспроизводится вещественный смысл слов, составляющих пословицу, оно стилизуется под пословицу, сохраняется и синтаксическое строение: «*Қазақта мақал бар емес пе «Бөтен елде сұлтан болғанша, өз елінде ұлтан бол»*»[7,9]– «Все же правли Касым-торе, бросив землю предков... - задумчиво начал он. – Разве забыл он поговорку: «*Чем головой у чужого тела, лучше подошмой – у своего*» [8,7].

В созданных средствами ПЯ псевдопословицах наблюдается семантико-структурное подобие пословицам оригинала, они подвергаются метафорической и ритмической организации, сохраняется афористичность, характер как фразеологического целого. Таким образом, переводчик создает пословицу с учетом содержания исходной, сохраняя национальный колорит или оригинальный образ. В результате происходит экспликация внутренней формы исходной единицы, или создается близкая к ней внутренняя форма, которая отображает ту же ситуацию или фрагмент, имеющий место в действительности, только другими средствами.

В переводе трилогии преобладает способ калькирования. Дословный перевод или калькирование, а также образования, близкие к калькам, наиболее применимы, так как предусматривается перевод без нарушения грамматических, семантических и стилистических норм языка, на который осуществляется перевод.

«Қазақ: «еркектің ақылы қырықтан бастап толады, алпыстан бастап солады» дейді [7,221]- «Казахи говорят, что «у мужчин от сорока до шестидесяти лет ум прибавляется, а с шестидесяти лет убавляется» [8,159]; «Заманың түлкі болса, тазы боп шал деген гой біздікі» [7,124] – «Как говорят мудрые люди: «Если время хитрит, как лиса, – превратись в легавую, чтобы настигнуть его» [8,98]; «Бір кезде өзі өлімге қиған батыры, енді бұны ажалдан алып қалғанын түсініп, күрт өзгерді. «Қоянды-қамыс, ерді намыс өлтірер» болса да, батырдың аңғал бір күрт мінезіне салып Қобланды намысын жеңді» [7,231] – «Чувством чести отличается человек от зайца, прячущего в камышах голову»-подумал Кобланды-батыр и прямо посмотрел в глаза своему бывшему врагу» [8,166]; «Өйткені оларға қарсы қазақтың жауынгер рулары тұр. Осы себептен «ортақ өгізден, оңаша бұзау артық» деп әдеттен қалған Моғол әмірлері әлі үн-түнсіз...» [7,178] – «Лучше иметь собственного теленка, чем общего быка.» В те годы и зародилась эта пословица» [8,129]; «Қобланды батыр басын төмен иді де: – Құп, тақсыр, ендігісін ақ білектің күші, ақ найзаның ұшы шешсін! – деп хан сарайынан шығып кетті» [7,130] – «Вы мудро рассудили, мой хан... Теперь все будет решать сила батыровых рук да острота двухконечных копий» [8,73] ;

«Өлдің Мамай, қор болдың!» деген міне осы!.. Қайсымыздың болса да бұл жалған дүниеден ақырғы алар еншіміз – осы екі құлаш жер! Атақ, бақ ше? – Жәнібек ауыр күрсінді!.. Жок, атақ, бақ деген – қолға салған алтын сақина. Тек тірі кезімізде ғана өзгелер көрсін, қызықсын деп саусағымыздан алмауға тырысамыз. Ал өлгесін ше? Қай ұрпақты көрдің – бабамның мұрасы деп атам заманғы сақинаны көзінің қарашығындай сақтаған?» [7,256] – «В мраморном саркофаге со всеми почестями похоронили хана Абулхаира у стен Созака. «Умер Мамай, и пропало твое бывшее величие» как говорится в народе...» [8,184]; «Қой үстінде бозторғай жұмырқалататын бейбітшілікті арман еткен ел болуда деп түсінген ...» [7,275] – «Я хотел бы добиться того, чтобы на спинах овец в нашей стране гнездились жаворонки!» – говорил Касым» [8,197]; «Бақ құсы басына қонып, ақ түйенің қарны жарылды...» [7,13] – «Птица счастья опустилась на его голову, и в жертву был принесен белый верблюд» [8,12].

При дословном воспроизведении пословиц и поговорок на ПЯ калькированию подвергается их внутренняя форма, что вызывает «живой» образ в сознании иноязычного читателя. Установление аналогии между смыслом переведенной на ПЯ пословицы и той типизированной ситуацией, закрепленной в языковой картине мира, которая выражается внутренней формой, происходит в несколько этапов, в результате определяется прагматическая установка.

В образованиях, близких к калькам переводчик изменяет форму паремии: вместо риторического вопроса использует повествовательное предложение, в этом случае прагматическая установка на эмоциональность компенсируется переводчиком за счет последующих высказываний, построенных в форме риторических вопросов: «Екі қошқардың басы бір қазанға сия ма?» [7,9] – «В одном котле невозможно варить головы сразу двух баранов. И кому довелось встретить двух волков, которые бы не передрались из-за ягненка?...» [8,10-11]

«Нередко образования, близкие к калькам, заменяют кальку в целях художественной выразительности. Так возникает особая выразительность- деривация фразеосочетаний» [9,133]. Например, усилительная деривация: «Ондай жағдайда тастай түйініп алған хан, шешінген судан тайынбас дегендей, ойлаған мақсатына жету үшін басқа шара қолданады» [7,16] – «Этот волк Абул-

хаир поймет, что мы разгадали его замыслы, и все равно найдет способ устранить нас. Говорят ведь, что раздевшийся обязательно прыгнет в воду...» [8,17-18] Возможны отклонения от структуры, в таком случае образования, близкие к калькам, воспринимаются как варианты калек: «Білемін. Білгесін айтып тұрмын. Қиындықта жол таба алмайды десек, хан етіп көтермес едік. «Ашу – жау, ақыл – дос» Бұны қазақ білмей айтқан ба?» [7,281] – «– Так или не так, но если восстание наше было полуденной порой, то ханом мы сделали тебя в предвечернюю пору. Тебе думать, как бы совсем не закатилось наше солнце. Помни пословицу, Кенеке, что нет страшнее врага, чем собственный гнев» [8,197].

Изменение в ПТ лексического компонента паремии ИТ, имеющего в ИЯ одну, а в ПЯ другую коннотацию, позволяет переводчику компенсировать общий эмоциональный колорит текста достижением интенсивности семантики коннотативного элемента. В переводе создается адаптированный образ для адресата, благодаря чему осуществляется адекватное декодирование информации инокультурным реципиентом: «Қазақта «Алты күн атан болғанша, алты күн бура бол» деген мақал бар, зорлыққа мойын ұсынар жайым жоқ, өмірім жеткен жерге дейін алысып өтем» [7,198] – «Лучше быть аргамаком с разорвавшимся от скачки сердцем, чем протащить по жизни жалкой клячей! – сказал тогда Кенесары. – Нет, я буду драться до последнего вдоха, и пусть рассудят нас потомки, какие бы они там ни были» [8,148].

При описательном переводе в результате толкования значения культураносной ФЕ ИЯ в тексте перевода презентуются элементы исходной культуры, однако осуществляется это в адаптированном виде, что позволяет переводчику сохранить коммуникативный эффект. В процессе описательного перевода изменяется сама схема мыслей, что влечет потерю образной основы исходной ФЕ, её национально-культурной специфики.

«Мал ашуы-жан ашуы дейтін қазақ Кенесарыға қарай ағыла түскен жоқ па?» [7,174] – «Нынче, когда в Кокчетавском и Каркаралинском уездах стали собирать ясак по уложению 1822 года – по одной голове скота от каждой сотни, – то сколько аулов сразу пе-

реметнулось к Кенесары. Скот всегда был для казаха дорожке жизни, потому что нет у него другого богатства» [8,133-134]; «Бабын ташпасаң қыран құс қасқыр ала алмайды – сөйтті де ол қалың қол аттанып бара жатқан күншығыс пен оңтүстікке қобалжи қарады» [7,309] – «Трудно, очень трудно сражаться с таким мечом в руке. Будешь непрерывно бить по камню – даже он затупится. Не вынимай все время из вражьей крови – станет резать в ослеплении правых и виноватых» [8,220-221]; «Ауыздан шаққан сөз – оқпен тең» [7,30] – «Вещий жырау говорил и с каждым словом все убеждался, что это напрасно и участь бедного раба решена» [8,23]; «Аталы сөзге арсыз тоқтамас» дәуірінде ханға да шындықты тыңдау ганибет іс еді» [7,65]. – «– Сам хан вынужден был считаться в те времена со степной вольницей, потому что опирался на султанов. И неписанным законом было: «Можно отрубить голову, но нельзя отрезать язык» [8,48].

Возможность оптимального выбора того или иного варианта перевода паремий зависит от необходимости воссоздания их прагматического содержания. Задача переводчика состоит в том, чтобы «выразить заложенный в исходном тексте национально-культурный компонент смысла и преломить его в национальное сознание, язык и культуру реципиента» [10,87].

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
2. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С.13-24.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1990. 341 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001.
5. Фесенко Т.А. Концептуальные основы перевода. Тамбов, 2001. 123 с.
6. Сорokin Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 160 с.
7. Есенберлин І. Көшпенділер. Алматы: Жазушы, 1 кітап. 1976. 2 кітап-1976. 3 кітап. 1976.
8. Есенберлин И. Кочевники. Алма-Ата: Жазушы, 1 кн. 1986, 2 кн. 1986, 3 кн. 1986.
9. Казахское слово в русском художественном тексте / Копыленко М.М., Ахметжанова З.К., Жолтаева Т.У. и др. Алма-Ата: Ғылым, 1990. 168 с.
10. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: МГУ, 2004. 542 с.